УДК 94(47).081

В.В. Носков

Китайские церемонии в Зимнем дворце (Прием миссии Берлингейма в 1870 г.)

В 1868 г. правительство Китая направило в турне по столицам тех государств, с которыми оно имело договорные отношения, большую дипломатическую миссию, перед которой ставилась задача договориться о пересмотре условий неравноправных договоров, заключенных по итогам так называемых «опиумных войн». Это был беспрецедентный шаг в истории Китая, поскольку никогда прежде богдыхан, Сын Неба, не снисходил до обращения к иностранным правителям как к равным себе. Фактическим главой этой необычайной миссии стал бывший посланник США в Пекине Энсон Берлингейм (1820–1870). Двое его китайских коллег, тоже наделенных рангом чрезвычайных посланников и полномочных министров, уже в силу незнания иностранных языков и иноземных обычаев, играли второстепенную роль. Должности секретарей миссии заняли британский и французский дипломаты, а всего ее состав насчитывал около тридцати человек[1]. В их число входили шесть китайских студентов, посланных за границу для изучения английского, французского и русского языков[2]. Свое мировое турне чрезвычайная китайская миссия начала с США. 28 июля 1868 г. в Вашингтоне было подписано американо-китайское соглашение, вошедшее в историю под названием «Берлингемов договор» (в историографии утвердилась такая форма), которое впервые утверждало формальное равенство двух государств в их взаимоотношениях.

[1] A. Burlingame to W.H. Seward; December 14, 1867 // Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1868. Washington, 1869. P. 494.

[2] S.W. Williams to W.H. Seward; December 23, 1867 // Ibid. P. 495.

В сентябре 1868 г. миссия Берлингейма отправилась в Европу, где ее успехи были гораздо более скромными. Бóльшую часть 1869 г. она провела в Париже, ведя бесплодные переговоры с правительством Франции. После этого миссия Берлингейма посетила столицы Дании, Швеции и Нидерландов, где также не добилась никаких успехов. В январе 1870 г. Берлингейм встречался с Бисмарком, а из Берлина китайская миссия направилась в С.-Петербург[3]. Как утверждал позднее друг Берлингейма, известный американский политик того времени Н.П. Бэнкс, глава миссии заранее получил заверения, что в российской столице ее ожидал теплый прием и поэтому втайне рассчитывал, что сможет побудить правительство России присоединиться к числу тех держав, которые согласятся на пересмотр своего отношения к Китаю в духе принципов равноправия[4]. Берлингейма сопровождали его жена Джейн Корнелия, урожденная Ливермор, и сын Эдвард Ливермор, незадолго до того получивший степень доктора философии в Гейдельберге, а впоследствии ставший основателем и редактором журнала *Scribner's Magazine*. Вместе с Берлингеймом в Россию приехал также бывший секретарь дипломатической миссии США в С.-Петербурге Дж. Кёртин, с которым они повстречались в декабре 1869 г. в Берлине.

Как вспоминал военный министр Д.А. Милютин, «в конце января прибыло в Петербург китайское посольство, в состав которого входили и природные китайцы и несколько европейцев; во главе же посольства был американец Бёрлингем, которого биография довольно замечательна. Попав из адвокатов в члены союзного конгресса, он был назначен в 1861 году посланником Северо-Американских Штатов в Вене, но австрийское правительство отказалось принять его за то, что он открыто высказывал сочувствие к объединению Италии. Вследствие этого он был назначен посланником в Пекин и здесь приобрел такое доверие и расположение китайского правительства, что оно предложило ему принять на себя звание представителя Китая в Европе. Посольство <...> первоначально посетило Северо-Американские Штаты, в течение следующего 1869 года объехало европейские Дворы, побывало в Париже, Лондоне, Берлине и наконец прибыло в Петербург»[5].

В российской столице действительно серьезно готовились к встрече китайского посольства. Церемониал приема посланцев стран Востока в России резко отличался от стандартизированных процедур приема послов и посланников западных государств особой пышностью и акцентом на внешние эффекты. Так же предполагалось поступить и в данном случае. А.М. Горчаков дал указание директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову о том,

[3] *Anderson D.L.* Imperialism and Idealism. American Diplomats in China, 1861–1898. Bloomington, 1985. P. 45.

[4] *Williams F.W.* Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N. Y., 1912. P. 249.

[5] Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 249.

что «Китайцев следует принять по церемониалу который был установлен для последних Японского, Коканского и Бухарского Посольств». В служебной записке, направленной по этому поводу в Экспедицию церемониальных дел Министерства императорского двора, говорилось: «Во главе Посольства не Послы, а посланники и потому их прием должен быть как вообще прием посланников. Не мешало бы придать приему несколько более формы обыкновенного приема посланников по тому уважению, что Китайцы очень редкие гости, почти не бывалые у нас. Свита Посольства хотя и отправится во Дворец, но не войдет в зал где Государь а будет представлена Его Величеству посланниками уже после приема их. При аудиенции будут, разумеется, присутствовать Канцлер и Директор Аз. Департамента»[6]. К записке прилагался список, в котором, помимо трех посланников, числились второй секретарь миссии французский дипломат Эжен де Шан, три китайских драгомана и врач[7].

В это время в С.-Петербурге находился российский посланник в Китае А.Г. Влангали, хорошо знавший Берлингейма по Пекину. После приезда китайской миссии он чуть ли не каждый день навещал ее главу[8]. К концу января Экспедиция церемониальных дел разработала «проект порядка приемной аудиенции прибывшим сюда Китайским посланникам, составленный по примеру аудиенции последней Японской миссии». Речь шла о дипломатической миссии, направленной правительством сёгуната Токугава в 1861 г. для урегулирования спорных вопросов с европейскими державами, которая стала первой японской делегацией такого уровня, побывавшей в России. Посетив несколько стран Европы, летом 1862 г. японская миссия прибыла в С.-Петербург, «где ее встретили весьма радушно и не третировали как представительницу полуколониальной державы, как это было в столицах других европейских государств»[9]. По поводу приема подобной китайской миссии в должности обер-церемониймейстера князь П.И. Ливен докладывал министру императорского двора: «...проект сей, по предварительному соглашению с Азиятским Департаментом, найден удовлетворительным и соответствующим значению прибывшей сюда Китайской миссии»[10].

В тот же день канцелярия МИД известила В.Ф. Адлерберга о том, что «Китайский Посланник Г. Бурлингайм (Burlingame) и другие члены прибывшей

[6] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 1 — 1 об.

[7] Список лицам составляющим Китайское Посольство // Там же. Л. 2.

[8] Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison, 1940. P. 205–206.

[9] *Синтаро Накамура*. Японцы и русские. М., 1983. С. 203–204. О церемониале приема японской миссии в 1862 г. см.: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 94. Л. 15 — 25 об.; Д. 95. Л. 6, 8–15. См. также: Морской Сборник. 1862. № 8. С. 103–107. Совр. Обозрения; Из дневных записок В.А. Муханова // Русский Архив. 1897. № 1. С. 68–69; *Климов В.Ю.* Японское посольство 1862 г. — путь из Германии в Россию // Санкт-Петербург–Япония: XVIII–XIX вв. СПб., 2012. С. 211–231.

[10] П.И. Ливен — В.Ф. Адлербергу, 30 января 1870 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 10. Черновик рапорта датирован 27 января (РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 3).

сюда Китайской миссии будут иметь честь представляться Государю Императору в среду, 4-го Февраля, в 1 час по полудни»[11]. «Проект порядка приемной аудиенции Китайским посланникам» был утвержден императором 1 февраля. Первоначально предполагалось, что их примет только император, но на следующий день В.Ф. Адлерберг получил извещение от имени Горчакова, что Александр II примет китайскую миссию вместе с императрицей[12]. Поэтому на сопроводительных письмах с проектом рукой А.В. Адлерберга, сына и помощника министра императорского двора, добавлено: «В утвержденном порядке приема последовало одно изменение, а именно: Их Величества изволят принять Китайских Посланников вместе, а не порознь. 2 Февраля 1870»[13]. 3 февраля шталмейстеру князю В.И. Барятинскому от имени Ливена было послано предписание «приказать сделать распоряжение о присылке завтра, к 12 часам к квартире Посланников, остановившихся в Гостинице Клея по Михайловской улице, трех придворных незолоченных карет, из коих одну 4-х местную для Китайских посланников с 2 придворными лакеями в красных ливреях, у дверей сей кареты, должен ехать конюшенный офицер верхом, и две кареты двухместные для свиты; при них должны быть по одному лакею; сзади же кареты 4 конюха верхом. — Поезд должен следовать по Невскому проспекту к Зимнему дворцу на Иорданский подъезд и после аудиенции у Государя Императора обратно к Гостинице Клея»[14]. Правитель дел Экспедиции церемониальных дел Н.М. Кудрявцев обращал внимание Камер-фурьерской должности на то, что на «крыльце подъезда должны ожидать Посланника два скорохода и гоф-фурьер, а на верхней площадке камер-фурьер»[15].

В тот же день Стремоухов писал Кудрявцеву: «Оказывается, что Канцлер забыл передать кому следует волю Ея Величества на счет приема Г-жи Бурлингам. По его приказанию я сей час уведомил об этом Гр. Владимира Федоровича. Императрица будет принимать Посольство вместе с Государем, в золотой гостиной, а по окончании аудиенции примет Г-жу Бурлингам в Своих комнатах»[16]. От имени Горчакова В.Ф. Адлерберг извещался о том, что «Ее Величеству Государыне Императрице благоугодно принять супругу Китайского Посланника Г-жу Берлингам завтра в Среду 4-го числа, после Высочайшей аудиенции Китайского Посольства, в Собственных покоях Ее Величества»[17]. А.В. Адлерберг лично сообщил Ливену о приеме супруги посланника, чтобы тот успел принять соответствующие меры[18]. От имени обер-камергера графа

[11] РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 8.

[12] Там же. Л. 17.

[13] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 6.

[14] Там же. Л. 15 — 15 об.

[15] Там же. Л. 16.

[16] П.Н. Стремоухов — Н.М. Кудрявцеву, 3 февраля 1870 г. // Там же. Л. 17 — 17 об.

[17] РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 19.

[18] A. Adlerberg à Prince Lieven, 3 Fevrier 1870 // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 18.

А.П. Шувалова Ливену было сообщено также, что «Императрица изволит принять, неофициально (подчеркнуто Ливеном. — *В. Н.*), супругу Китайского Посланника, г-жу Берлингам завтра, 4-го сего Февраля, тотчас после аудиенции Китайских Посланников, присовокупляя, что за Г-жою Берлингам придворного экипажа послано не будет, а следует иметь приезд на Собственный Ея Величества подъезд»[19]. Соответствующее предписание было направлено также гофмейстерине двора императрицы статс-даме графине Н.Д. Протасовой.

«Приемная аудиенция происходила в Зимнем дворце в среду, 4 Февраля 1870 г. согласно Высочайше утвержденному порядку, а именно:

По утру к 12 часам, присланы были три придворные незолоченные кареты к гостинице Клея по Михайловской улице, где нанята была квартира для Китайских Посланников.

По предварительном извещении Посланников Правителем дел Экспедиции Церемониальных дел Д.С.С. Кудрявцевым об аудиенции, поезд отправился по Невскому проспекту к Зимнему дворцу на Иорданский подъезд в следующем порядке:

В первой 4-х местной карете, запряженной цугом в 4 лошади, ехали три Посланника: Ансон Бюрлингам, Чи-Канг и Сун-Киа-Ку, и переводчик Азиятского департамента Олоровский (А.Е. Оларовский. — *В. Н.*). У дверец кареты конюшенный офицер верхом»[20]. А «за каретою 2 Придворных лакея в алых сертуках»[21]. «Во второй карете, запряженной в 2 лошади, секретарь Китайской миссии Е. де Шан и драгоман Куи-Тун.

В третьей карете, также в 2 лошади, два драгомана Фон-И и Лиенг-Фанг.

Четыре конюха верхом замыкали поезд»[22].

«К 12½ часам поезд прибыл на Иорданский подъезд, где Посланники были встречены 2-мя Скороходами и Гоф-Фурьером, а на верхней площадке Камер-Фурьером, предшествовавшим им, в Аванзале встречены Правителем Дел Церемониальной Экспедиции, в Фельдмаршальском зале 1-м С. Петербургским Комендантом и в сопровождении означенных лиц Посланники шествовали чрез Петровскую, Гербовую залы, мимо Пехотного внутреннего караула при отдании чести пикетною комнатою, Александровскую залу чрез Желтую комнату 1-й Запасной половины». «В желтой комнате Посланники встречены в должности Гофмаршала Князем [И. М.] Голицыным и угощаемы были чаем, шеколадом, с разным печеньем, вареньем и конфектами, и сухими фруктами, которые были подаваемы Официантами на золоченных подносах». «По некотором отдохновении», «40 мин. 1 часа Посланники были прошены

[19] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 19.

[20] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 59 — 59 об.

[21] Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 178. Л. 18 об.

[22] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 59 об.

в Белую залу и проходили комнатами 1-й Запасной половины мимо Кавалергардского пикета от которого отдана надлежащая честь, а при вступлении в Белую Залу Почетный Караул от Роты Дворцовых Гренадер, помещавшийся по средине залы отдал также честь.

В ожидании аудиенции в Белой зале, Посольству предложено было отдохновение, для чего в углу залы на правой стороне, приготовлено было золоченое канапе, крытое пунцовым трипом и таковые же стулья, здесь же и встретил Посольство Обер Камергер Гр. Шувалов.

В Белой Зале Посольство встретили Состоящий в Должности Обер Церемониймейстера Кн. Ливен, и Директор Азиатского Департамента Стремоухов.

10 мин. 2 часа, 3-е Посланников по повелению Его Величества, Состоящим в должности Обер Церемониймейстера Князем Ливеном были прошены в Золотую Гостиную, куда также вошли Директор Азиатского Департамента и переводчик»[23]. Вместе с ними в приемную комнату вошел «Правитель дел Экспедиции Г. Кудрявцев.

При Их Величествах находились: Государственный Канцлер Князь Горчаков, Товарищ Министра Императорского Дворца Граф Адлерберг 2», вице-адмирал К.Н. Посьет, контр-адмирал П.А. Перелешин; обер-камергер Шувалов, статс-дама Протасова и дежурная фрейлина[24].

«Посланники войдя в Золотую Гостиную отдали честь Их Величествам несколькими поклонами и приблизясь Старший из них прочел письмо Китайского Императора, которое потом вручил Государю Императору»[25]. Послание богдыхана к иностранным суверенам гласило, что, «поскольку Китай и иностранные державы являются членами одной семьи», он желал поставить сложившиеся между ними отношения дружбы и взаимопонимания на прочную и долгосрочную основу. В доказательство этого намерения он избрал в качестве своего посланца одаренного многими талантами и мудростью Энсона Берлингейма, который одинаково посвящен как в китайские, так и в иностранные дела, и который пользуется полным его доверием как выразитель его пожеланий по всем вопросам двусторонних отношений. В заключение выражались надежды богдыхана на постоянную дружбу, мир и спокойствие в отношениях с каждой из договорных держав[26]. Это было совершенно новое слово в истории китайской дипломатии, столь же необычное, как и сама эта миссия, поскольку авторы послания по сути отказывались от идеи китаецентристского мира, представляя свое государство как одно из многих в общей семье народов.

[23] Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 19–20.

[24] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 60 об. Здесь в числе присутствующих ошибочно указан великий князь Владимир Александрович. На самом деле, на приеме был Алексей Александрович, что объясняет присутствие там его воспитателей — адмиралов Посьета и Перелешина.

[25] Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20.

[26] *Williams F.*W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. P. 100–101.

При вручении послания богдыхана Берлингейм, сделав комплимент своему русскому коллеге Влангали, заявил о желании Китая войти в мировое сообщество наций и выразил надежду на сохранение его дружественных отношений с Россией. Император в подчеркнуто теплом по тону ответе развил тему о дружественном характере двухсторонних отношений, выразив в заключение большое удовлетворение тем, что интересы Китая представлял гражданин государства, «которое особенно симпатизирует нам»[27]. Его Величество, приняв послание богдыхана, «оное передал Государственному Канцлеру Князю Горчакову и затем в речи на французском языке выразил о дружелюбных отношениях Китая к России и процветании международной торговли обоих Государств»[28]. «В конце аудиенции, были введены в Золотую гостиную, Правителем дел Экспедиции, секретарь и три драгомана Китайской миссии, которых старший посланник Г. Бюрлингам представил Их Императорским Величествам»[29].

Затем, «между разговорами с Посольством, из коих один из них объяснялся по Русски, а Старший Посланник по французски,— Его Величество изволил представить им Августейшего Своего Сына Великого Князя Алексея Александровича, и после того 20 мин. 2 часа Их Величества откланявшись Посольству отбыли к Себе, а Посольство тем же порядком возвратилось чрез 1-ю Запасную половину в желтую комнату, где с бывшими Особами при представлении <...> было угощаемо фрыштиком, а после в Малиновой комнате угощаемо было кофеем за тем Посольство теми же залами возвратилось на Иорданский подъезд с соблюдением того же этикета, какой был при встрече»[30]. «Китайские Посланники со свитою, вышеописанным порядком, возвратились из Зимнего дворца на свою квартиру в тех же придворных каретах»[31]. Пышный церемониал, с которым принималась чрезвычайная миссия богдыхана, был рассчитан, в первую очередь, на китайцев и, вероятно, произвел на них должное впечатление. Что же касается Берлингейма, то «роскошь дворов и помпезные церемонии Старого Света, казалось, только углубляли и усиливали его республиканизм»[32].

В тот же день, в «час по полудни Супруга Китайского Посланника Бюрлингам в обыкновенном экипаже прибыла на подъезд Ее Величества, где встречена Скороходом и Гоф-Фурьером и в ожидании аудиенции сопровождена во внутренние комнаты 1-й запасной половины, после приема Посольства Обер Церемониймейстером прошена чрез Белую Залу в Золотую Гостиную и затем 25 мин. 2 часа во внутренние апартаменты Государыни Императрицы, откуда

[27] Ibid. P. 249–250.

[28] Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20 — 20 об.

[29] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 61.

[30] Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 20 об. — 21.

[31] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 61 об.

[32] New York Times. March 24, 1870; Daily Alta California. April 4, 1870 (перепечатки корреспонденции из Берлина, датированной 24 февраля 1870 г., из Rochester Democrat. February 24, 1870).

по представлении Ее Величеству сопровождена тем же порядком на тот же подъезд»[33]. Джейн К. Берлингейм «была представлена Государыне Императрице, в будуаре, за Золотою гостиною»[34]. Ее прием императрицей носил неофициальный характер[35]. Однако сам факт приема супруги посланника стал еще одним свидетельством особого внимания, уделяемого в С.-Петербурге как китайской миссии, как и ее американскому главе. Посланник США при императорском дворе Эндрю Кёртин и сын Берлингейма в своих письмах на родину особо подчеркивали сердечность, с которой китайская миссия была принята российским императором и его министрами[36].

На следующий день китайская миссия по приглашению императора посетила Эрмитаж, после чего Берлингейм нанес официальный визит в британское посольство. На этом необычайная дипломатическая карьера американского политика фактически завершилась. Путешествие по странам Северной Европы в разгар зимы не прошло даром для непривычного к такому климату американца. Сильнейшая пневмония уложила его в постель, с которой он уже не поднялся[37]. 6 февраля секретарь китайской миссии официально известил Ливена, что «со вчерашнего дня господин Берлингейм прикован к постели из-за сильного приступа горячки, ставшей следствием запущенного катара»[38]. За жизнь посланника боролись лучшие врачи Петербурга, включая знаменитого С.П. Боткина. Александр II лично интересовался его здоровьем. «Собственный характер м-ра Берлингейма, важные цели его миссии и особенно его национальность снискали ему симпатии и доброе отношение всех, начиная от императора и ниже», сообщалось в американской прессе[39]. После кончины Берлингейма император распорядился, чтобы Горчаков послал вдове покойного соболезнования от имени августейшей четы[40].

Милютин, отметив, что китайское посольство «было принято в Зимнем дворце с обычною торжественностью», писал далее: «Ровно неделю спустя, 11-го числа, Бёрлингем скоропостижно умер в своей квартире, в гостинице Клэй (в Михайловской улице, впоследствии названной “Европейскою”). 14-го числа происходило отпевание покойника в Англиканской церкви (на Английской

[33] Камер-фурьерский журнал. Февраль 1870 г. Л. 21.

[34] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 61.

[35] Журнал о представлениях Императорской Фамилии лиц дипломатического корпуса в 1870 году // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 912. Л. 5 об.

[36] *Saul N.E.* Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996. P. 50.

[37] *Williams F.W.* Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. P. 250.

[38] E. de Champs á Prince Lieven; 6/18 Fevrier 1870 // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 31 — 31 об.

[39] Daily Alta California. March 24, 1870 (перепечатка корреспонденции из Петербурга, датированной 23 февраля 1870 г., из New York Herald. March 14, 1870).

[40] Sacramento Daily Union. February 26, 1870; Daily Alta California. March 24, 1870.

набережной) в присутствии всего дипломатического корпуса, чинов Министерства иностранных дел и других официальных лиц. Тело оставалось в церковном склепе до отправления его в Америку. Китайское посольство, лишившись своего главы, оставалось, однако, в Петербурге до апреля месяца и было еще раз принято Государем в прощальной аудиенции 4 апреля»[41].

После кончины своего главы китайские дипломаты продолжили череду представлений членам императорской фамилии. По поводу представления наследнику и другим великим князьям свою «просьбу быть представленными Посланники словесно повторили Е. Св. Кн. Ливену при отпевании Г. Бурлингама», а потом выражали беспокойство, «не была ли их словесная просьба забыта Князем»[42]. «При приеме Их Высочествами Китайских Посланников со свитою придерживались порядка приема Европейских посланников»[43]. «Китайское Посольство», наряду со всем дипломатическим корпусом, было приглашено также на бал в Концертном зале Зимнего дворца, состоявшийся 15 февраля 1870 г.[44] Но на следующий бал, назначенный на 20 февраля, приглашались уже только «Начальники миссий». «Китайское же посольство приглашать на этот бал не следует», указывалось в предписании Шувалова[45].

В начале марта в С.-Петербург прибыл первый секретарь китайской миссии англичанин Дж.М. Браун, которого Берлингейм отправил из Парижа в Пекин. Он попытался взять дело в свои руки, однако после кончины главы миссии ее престиж упал практически до нуля[46]. 4 марта 1870 г. В.Ф. Адлерберг получил извещение от имени Горчакова о том, что «Государь Император приказать изволил внести на список лиц Дипломатического Корпуса имеющих представиться Его Величеству при первом случае вновь прибывшего сюда Секретаря Китайской Миссии Броуна (Brown)»[47]. Целый месяц Браун дожидался официального представления императору, но удостоился этого только тогда, когда «означенные китайские посланники со свитою» уже «откланивались» Александру II в прощальной аудиенции[48]. Ни о каких торжественных церемониях, подобных тем, какие ожидали миссию Берлингейма по приезде, на этот раз не было и речи. «4 Апреля происходила в Зимнем дворце прощальная аудиенция Китайским посланникам у Государя Императора, приватным образом. Посланники, вместе с новым секретарем г. Броуном и прочими лицами Китайской

[41] Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. С. 249–250.

[42] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 34.

[43] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 61 об.

[44] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 178. Л. 35 об.

[45] А.П. Шувалов — П.И. Ливену, 18 февраля 1870 г. // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1342. Л. 45.

[46] *Williams F.W.* Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. P. 252.

[47] РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 11. Л. 28.

[48] Журнал о представлениях Императорской Фамилии лиц дипломатического корпуса в 1870 году. Л. 8 об.

миссии прибыли в своих экипажах в Зимний дворец на подъезд Государыни Императрицы и были проведены в Биллиардную комнату.

При наступлении часа аудиенции, два Посланника введены были в Кабинет Государя Императора и во время аудиенции находился при Его Величестве один Государственный Канцлер Князь Горчаков.

В приемной комнате, перед кабинетом Его Величества, за Биллиардной, поставлены два секретаря и три драгомана Китайской миссии. Государь Император выходил к ним из Кабинета. Старший Посланник, при сем случае, представил Его Величеству вновь прибывшего Секретаря, Г. Броуна»[49]. После С.-Петербурга чрезвычайная китайская миссия посетила столицы Бельгии и Италии, а в октябре 1870 г. возвратилась на родину, имея в активе только те успехи, которых она достигла под руководством Э. Берлингейма.

References

Anderson D.L. Imperialism and Idealism. American Diplomats in China, 1861–1898. Bloomington, 1985.

[*Curtin J.*] Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison, 1940.

Daily Alta California. March 24, 1870; April 4, 1870.

Klimov V.Û. Âponskoe posol'stvo 1862 g. — put' iz Germanii v Rossiû // Sankt-Peterburg — Âponiâ: XVIII–XIX vv. SPb., 2012.

[*Milûtin D.A.*] Vospominaniâ D.A. Milûtina. 1868 — načalo 1873. M., 2006.

Morskoj Sbornik. 1862. № 8.

[*Muhanov V.A.*] Iz dnevnyh zapisok V.A. Muhanova // Russkij Arhiv. 1897. № 1.

New York Times. March 24, 1870.

Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1868. Washington, 1869.

Sacramento Daily Union. February 26, 1870.

Saul N.E. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996.

Sintaro Nakamura. Âponcy i russkie. M., 1983.

Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N. Y., 1912.

Список литературы

[*Милютин Д.*А.] Воспоминания Д.А. Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006.

[*Муханов В.*А.] Из дневных записок В.А. Муханова // Русский Архив. 1897. № 1. С. 45–109.

Климов В.Ю. Японское посольство 1862 г. — путь из Германии в Россию // Санкт-Петербург–Япония: XVIII–XIX вв. СПб., 2012. С. 211–231.

Синтаро Накамура. Японцы и русские. М., 1983.

Anderson D.L. Imperialism and Idealism. American Diplomats in China, 1861–1898. Bloomington, 1985.

[*Curtin J.*] Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison, 1940.

Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1868. Washington, 1869.

Saul N.E. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996.

Williams F.W. Anson Burlingame and the First Chinese Mission to Foreign Powers. N.Y., 1912.

[49] Журнал о приемной и отпускной аудиенции Китайских Посланников. Л. 62 — 62 об.